

Эмануэль Нодель

Спасение

Перевод с английского Рут Брашинской

Глава 1.

Ночь великого вторжения. Приход Красной армии.

Теплым июньским вечером мы с братом сидели у окна и разглядывали прогуливающуюся публику. Была одна из эстонских белых ночей, когда темнота не опускается на землю-матушку, и редко кто, особенно молодые люди, отправляются спать до рассвета. Мы обсуждали, как проведем наступающее лето. Вдруг мы заметили какое-то волнение на улице – собралась кучка оживленно переговаривавшихся мужчин и женщин, другие люди стали собираться в группы. Несмотря на то, что наши окна были открыты, и мы могли слышать голоса, слов было не разобрать. Скоро любопытство взяло верх, и мы спустились на улицу. Возбужденные лица, жесты, текущие слезы....

Нашей первой мыслью было, что к нам вторглась нацистская Германия. Это было самым логичным, т.к. был конец июня 1940 г., и гитлеровская Германия после блестящей победы в Польше уже господствовала во всей Европе. Здесь в Балтии, особенно в Эстонии, мы, однако, жили в обманчиво безопасном мире, как мы полагали, под защитным крылом гитлеровско-сталинского соглашения 1939 года. Внешне все шло нормально – наше правительство руководило страной, люди, как обычно, трудились, ходили на концерты, посещали вечеринки, снимали летние дачи и строили далеко идущие планы для себя и своих детей.

Эстония, так же как и ее соседи, Латвия и Литва, процветала, наслаждаясь отсутствием безработицы и самым высоким за 22 года независимости страны уровнем жизни. Однако, и на нашем небосводе сгущались темные тучи: только год назад Сталин заставил нас и наших балтийских соседей подписать оборонительный пакт, разместив советские военные базы во всех трех республиках.

Солдаты и офицеры Красной Армии редко появлялись на улицах наших городов, обычно они находились на своих базах. Однажды, когда я встретил трех молодых красноармейцев, стоявших перед витриной магазина – возможно, восхищавшихся нашими эстонскими капиталистическими товарами – я остановился и обратился к ним по-русски, надеясь вовлечь их в дружественный разговор. Не сказав ни единого слова, они поспешно ушли. Мои друзья тоже имели подобный опыт – русские с нами не общались. И, несмотря на то, что Красная Армия была в стране уже в течение года, ее присутствие на нашей земле было незаметным.

Однако было заметно другое. Выполняя соглашение о культурном сотрудничестве, Советы засыпали нас художественными выставками, концертами

пианистов и скрипачей, балетными спектаклями Большого театра. К нам привозились впечатляющие выставки достижений СССР в области образования и здравоохранения. На меня производило большое впечатление высокое мастерство советских артистов. Выставка достижений советского здравоохранения проводилась в Pallas'е, нашей школе искусств, где целый этаж был преобразован в живое зеркало советских успехов. Стены были завешаны отличными фотографиями советских школьников, беременных женщин и пожилых людей. Чистота яслей, доктора в белых халатах, склоненные над улыбающимися пациентами, производили впечатление на большинство посетителей. И, несмотря на то, что я жил почти 20 лет недалеко от советской границы, я, как любой эстонский обыватель, был абсолютно несведущ в том, что представлял собой Советский Союз, и как в нем жилось.

Наше правительство не разрешало печатать или передавать по радио ничего, что умаляло бы заслуги нашего могущественного соседа. Хотя коммунистическая партия в Эстонии была объявлена вне закона, в наших библиотеках были доступны советские газеты и журналы. До 1939 года в большинстве эстонских городов достаточно часто шли советские кинофильмы. Я считал советскую коммунистическую прессу скучной и малоинформативной, но музыкальные и исторические фильмы были высокохудожественны, их приятно было смотреть. Превалировала тема социальной справедливости и борьбы против царского угнетения, и это привлекало мое поколение своим романтическим идеализмом.

Шокировало, однако, то, что пакт Гитлера-Сталина противоречил тому, как советская литература и искусство рисовали строящееся бесклассовое и антирасистское общество. Этот пакт застал всех эстонцев, невзирая на их политические убеждения, врасплох. Начиная с 1933 г. московское радио обвиняло нацистов в жестокостях по отношению к рабочим, социалистам, евреям, изображало Германию как один большой концентрационный лагерь, где ээсовцы маршируют гусиным шагом на парадах, в то время как простых миролюбивых немецких граждан избивают за их оппозицию Гитлеру. Мы привыкли к такой картине за почти шесть лет, и т.к. подобное стало появляться и в западноевропейских газетах, у нас не было оснований не доверять советской антинацистской пропаганде. Неожиданно, 23 августа 1939 г., буквально за одну ночь, нацистская Германия стала изображаться советскими радиостанциями как чемпион в деле построения социализма, друг мира и враг империализма.

На ранних стадиях Второй мировой войны в трех балтийских странах циркулировали слухи о том, что или Германия, или СССР совершат нападение. Средний прибалтийский гражданин был озабочен. Никто из нас не хотел ни немцев, которых особенно не любили в Эстонии и Латвии, ни русских. Шестьсот лет германского владычества не были забыты в Эстонии и Латвии. Два поколения людей имели живые воспоминания о борьбе за независимость страны. Теперь же люди, казалось, не замечали мировой войны, но подсознательно чувствовали неуверенность. Так не могло продолжаться долго. Один из наших могущественных соседей захватит нас и лишит драгоценного мира и недолгой демократии, которыми мы так наслаждались.

Глядя на озабоченные лица прохожих, мы с Семкой спрашивали, не заканчивается ли наша счастливая жизнь. Мы не могли больше сдерживать свое

любопытство и спросили двух прохожих, в чем дело. Глядя на нас удивленно, один из них тихо сказал: «Красная Армия перешла нашу границу...»

Наши лица замерли, и, хотя мы не полностью оценили тогда значение этого события, мы инстинктивно чувствовали, что происходит что-то ужасное, что повлияет как на судьбу Эстонии, так и на наши личные судьбы. Вдруг мы услышали, как кто-то сказал: «Президент республики выступает по радио...»

Мы быстро побежали домой, и включили радио. Старый, знакомый, заметно дрожащий голос Президента Пятса заявил: «Граждане, с глубокой печалью я должен объявить Вам ужасную новость: Красная Армия только что перешла нашу границу». Он попросил всех соблюдать спокойствие и не провоцировать захватчиков на насилие. Закончил он прерывающимся голосом следующими словами: «Пожалуйста, не оказывайте сопротивления. Сопротивление бесполезно. Оно только вызовет кровопролитие и уничтожение нашей страны...» Он внезапно закончил говорить, и последовало долгое молчание.

Мы с Семкой посмотрели друг на друга, и, не говоря ни слова, вышли на улицу, охваченные странным чувством беспомощности, но в то же время – волнением и любопытством, которые могут испытывать перед лицом бедствия только молодые люди.

Несмотря на то, что наш Тарту находился меньше чем в одном дне езды от русской границы, мы ничего не знали о своих могущественных и загадочных соседях. Теперь неотвратимое произошло – коммунистическая Россия захватила нас. С такими мыслями мы медленно двигались к центру города. Темнело. Несмотря на это, все больше и больше людей собирались на улицах. Часы проходили в молчании, а ранним утром раздались звуки мощного грохота техники. Сквозь утренний туман вдалеке стала видна колонна русских танков. Тысячи людей замерли в напряженном молчании, разглядывая сотни русских танков, пехоту и артиллерию, медленно входящие в город.

Мы наблюдали вторжение советской армии в нашу маленькую страну, и нас всех объединяло чувство беспомощности перед лицом превосходящей темной силы. Несколько часов мы стояли и смотрели на проходящие красные части, пока не устали. Даже наше возбуждение улеглось: для одной ночи всего этого было достаточно. Мы с Семкой вернулись домой безутешными и пошли спать.

На следующий день мы проснулись не отдохнувшими, быстро позавтракали и молча ушли из дома. На улицах было больше чем обычно людей, но не так много, как прошлой ночью. Мы дошли до рынка, где расположилась русская кавалерия – несколько сотен солдат с лошадьми. Городские жители с любопытством разглядывали солдат, как будто это были люди из иного мира – и, действительно, они таковыми и были для нас. На лицах солдат, одетых в мятую форму и запыленные черные сапоги, была заметна усталость. Похоже, они были в походе много, много часов. Они сидели на мостовой, рядом были их кони, их ружья были составлены штыками кверху, образуя круг. Когда я подошел поближе, один молодой лейтенант подошел к молчаливой толпе горожан. Громким голосом он спросил по-русски: «Есть здесь кто-нибудь, кто понимает и говорит по-русски? Я только три года назад окончил русскую гимназию и бегло говорил по-русски. Не задумываясь особо, я шагнул вперед: «Я говорю».

Он посмотрел на меня и, поколебавшись, спросил: «Можешь отвести моего коня к водопою?» Я развернулся и пошел к ближайшей колонке, а он вел за мной своего коня. Когда мы подошли к колонке, и конь напился, я решил, что моя миссия закончена, и направился обратно. «Молодой человек, подожди», - сказал лейтенант. Я остановился, и мы вместе пошли к солдатскому бивуаку. Он зашел в палатку и вышел, держа в руках бутылку водки и два стакана. «Давай выпьем за товарища Сталина», - сказал он с улыбкой. Я с изумлением смотрел на бутылку. Я не ожидал такого быстрого русского гостеприимства! Даже взгляд на полный стакан водки вызывал головокружение. Я никогда не выпивал столько за раз, но я не смел отказаться от предложения офицера. Я пытался придумать, как выйти из затруднения. «Товарищ лейтенант», - сказал я, - «я не привык пить на пустой желудок». Он пробормотал что-то себе под нос, снова вошел в палатку и вернулся с большой неочищенной луковицей. Разрезав ее штыком пополам, он предложил половину мне. «Вот, понюхай». Я взял лук, понюхал его и с отчаянной решительностью выпил всю водку. У меня сразу закружилась голова. Я знал, что скоро потеряю сознание.

«Простите меня, господин», - пробормотал я и быстро побежал домой. Через несколько минут я оказался перед нашей дверью и позвонил. Когда мама открыла дверь, я вошел, спотыкаясь – и свалился, потеряв сознание.

Последующие дни протекали как в тумане. Официально Красная Армия пришла освободить эстонский народ от капиталистического правительства и защитить от нацистского вторжения. Советское правительство в Москве заявило, что не будет вмешиваться в наши внутренние дела. Однако присутствие Красной Армии в одночасье изменило политическую обстановку. Эстонская компартия вышла из подполья. Самыми активными неожиданно стали люди, о принадлежности к компартии которых никто и не подозревал. В городе день и ночь шли собрания. Рабочих собирали на их фабриках, и коммунистические ораторы разъясняли им, почему Красная Армия вошла в независимую Эстонию. Так как в годы правительства Константина Пятса профсоюзное движение было задушено, эти ораторы призывали рабочих активно участвовать в новом профсоюзе, «свободном от капиталистического притеснения». В массовых собраниях принимали участие не только рабочие, но и студенты Тартуского университета, школы искусств и музыкальной академии.

Выступали обычно молодые эстонцы и русские из среднего класса, но иногда и из рабочих. Они говорили восторженно, убедительно и с большим чувством уверенности, по-настоящему веря своим собственным словам, и призывали активно поддерживать вновь образованное в Таллинне, нашей столице, эстонское советское правительство. Это новое правительство, в отличие от предыдущего под руководством Пятса, будет дружественным по отношению к Советскому Союзу. Оно принесет, утверждали ораторы, социальную справедливость и равные возможности всем гражданам Эстонии, невзирая на национальность и социальное происхождение. Присутствующие слушали внимательно, с интересом, некоторые – с долей скептицизма.

Так как у меня были каникулы, я не спеша, бродил по улицам, ходил с одного собрания на другое, чтобы послушать о последних новостях. Это позволило мне

узнать о настроениях в городе. Большинство людей было озабочено тем, как коммунистическая Россия проглотит нас – мягко или от нас не останется и следа.

Мы мало знали о подлинном характере России – сталинском руководстве, чистках и концентрационных лагерях, массовой бедности и о том, что маленькая группа людей руководит громадным большинством. Новое эстонское коммунистическое правительство в Таллине заявило, что частные предприятия останутся, но владельцы-капиталисты должны будут делиться доходами с рабочими. Как этого можно было достичь, никто не знал. Фабрики, мастерские и магазины все еще легально принадлежали их владельцам. Продуктов питания было полно, магазины были завалены товарами, и ни в чем не ощущалось недостатка. Власти распорядились организовать на фабриках и в мастерских специальные комитеты рабочих для наблюдения за деятельностью хозяев. Доходы были лимитированы определенным процентом. В сельской местности создавались комитеты безземельных и малоземельных крестьян. Новое правительство обещало им землю. Скоро приняли новую эстонскую конституцию, установившую лимит землевладения – 30 гектаров. Излишек земли, конфискованный у тех, у кого было свыше 30 гектаров, отдавали безземельным и бедным крестьянам. В новой эстонской конституции даже была статья, защищавшая крестьян от насильственного объединения в колхозы.

Было ясно, что Москва осторожничает во вновь приобретенной балтийской республике. Она не хотела вызвать яростного сопротивления крестьян. Нужна была спокойная буферная зона между Советской Россией и нацистской Германией. Июль, первый месяц, был своего рода медовым месяцем. Москва не показывала своих истинных намерений в Прибалтике. Пропаганда в основном сводилась к сладким речам о защите Прибалтики от нацистского вторжения.

Начиная с 1934 года, Эстония из настоящей либеральной демократии действительно превратилась в однопартийную авторитарную страну с образованием, союзами и прессой, контролируемые государством. Несмотря на авторитаризм и национализм руководимого Константином Пятсом режима, основные традиции терпимости к национальным меньшинствам – 100.000 русских, 25.000 немцев и 4.500 евреев, которые, единственные в Европе, наслаждались полной национальной и религиозной автономией со дня образования Эстонии в 1918 году – соблюдались, их права не ущемлялись и никак не ограничивались. В течение первого месяца после вторжения Красной Армии эстонское правительство распорядилось распустить все «добровольные» организации: бойскаутов, эстонскую гражданскую оборону (Kaitseleit), молодых ястребов (Noored Kotkad) и все религиозные этнические организации.

Одна из самых немногочисленных, эстонская еврейская община, к которой я принадлежал, после прихода Красной Армии пострадала больше, чем любая другая этническая группа. По специальному соглашению между Москвой и Берлином прибалтийские немцы должны были быть эвакуированы из Эстонии, как и из других прибалтийских стран, во вновь завоеванные Гитлером западные области Польши. Для них, немцев, больше не имело значения, есть ли культурная немецкая автономия – они были на пути к своему «новому» Фатерлянд – Великой Германии. У русских, самого многочисленного из национальных меньшинств, советская оккупация вызывала смешанные чувства. С одной стороны, они

сохраняли свою систему образования, клубы и культурные организации. Русская же греческая ортодоксальная церковь пала первой жертвой суровой расправы над всеми религиозными конфессиями, предпринятой Москвой.

Еврейская община лишилась всей своей религиозной и этнической жизни. По распоряжению нового эстонского правительства был упразднен статус меньшинства для евреев: они теперь назывались обычными гражданами Эстонской Советской социалистической республики. Им было запрещено молиться своему Богу, сохранить свою систему образования, а также свои культурные и общественные организации. Я был президентом Еврейской студенческой ассоциации под эгидой Еврейской общины Тарту. В июле я должен был сдать все документы ассоциации в милицию – бывшую полицию – банковские счета, списки студентов. Я был очень активен в еврейской общественной жизни, особенно студенческой. Вернувшись из милиции, я вспоминал невинные дни первого года учебы в университете – сессии, зубрежки по ночам перед экзаменами, замечательные вечеринки и пикники, дружба, надежды и страхи, которыми мы с друзьями делились. Теперь все это было в прошлом. Мы стали гражданами новой страны, советской страны, руководимой Москвой, с войной, бушевавшей вблизи балтийских берегов, и с темными тучами неизвестности над нашими головами.

Стали поговаривать об исчезновении людей. Сначала большинство моих друзей и я думали, что это какие-то исключительные случаи. Но число исчезнувших стало увеличиваться, и люди предпочитали не говорить об этом. Стал распространяться страх. Медовый месяц закончился.

Одновременно с реорганизацией объединений на политическом горизонте появились две новые организации: комсомол и эстонская коммунистическая партия. Комсомол, коммунистический союз молодежи, был организован на местах работы или учебы молодых людей – на фабриках, в мастерских, университетах и других высших учебных заведениях, в конторах и в сельской местности. В нашем городе состоялось много собраний. Ораторы были двадцатилетними, в основном парни, в большинстве – эстонцы, но иногда и русские ораторы обращались к смешанным эстонско-русским группам. Их речи озвучивали партийную линию: Красная Армия спасла Эстонию от оккупации нацистов, и новое коммунистическое правительство предоставит всем гражданам, независимо от социального положения и национальности, настоящие демократические возможности. Комсомол описывался как не политическая молодежная организация, целью которой является объединение молодежи, чтобы научить ее строительству нового, социалистического общества, основанного на социальной справедливости и гуманизме.

Кроме того, ораторы подчеркивали, что участие в комсомоле позволит молодым людям от 14 до 26 лет получить знания в различных областях, например, в фотографии, живописи, музыке, ораторском искусстве, и даст им политические знания – географии, истории – которые наше «капиталистическое» государственное образование не сумело им дать – чтобы они поняли мир, в котором живут. Это звучало очень впечатляюще. Молодые люди, идеалисты по натуре, сочли розовые картинки о комсомоле очень привлекательными. В конце собраний ораторы призывали тех, кто хочет вступить в комсомол, подойти к ним и записаться. Многие парни и девушки вначале не хотели становиться членами

комсомола, постепенно же начали вступать, многие из любопытства, других привлекали идеалистические призывы, некоторым комсомол казался хорошим средством достижения их дальнейших целей.

Было ясно, что правительство хотело быстро добиться контроля над молодежью Эстонии и создать массовую организацию под своим руководством. Коммунистическая партия Эстонии, однако, оставалась элитой, копировала коммунистическую партию России. От некоторых своих друзей, вступивших в компартию, я узнал, что вступить в нее совсем не трудно, главное – не принадлежать к «бывшим угнетателям»: капиталистам, полиции, офицерам армии, богатым крестьянам.

Во время всей этой политической суматохи я стал искать работу. Через одного из своих друзей, который работал в городском совете, я узнал о вакансии на должность социального работника. Я подал заявление, и меня сразу же наняли. Мой непосредственный руководитель, эстонец средних лет с добрым лицом и блестящими глазами, объяснил мне мои обязанности. Я отвечал за 12 дел. Яан (так его звали) показал мне каждое дело: пьяница-рабочий, который избивает свою жену; бедная пожилая вдова, живущая одна в холодном заплесневелом подвале; молодая вдова, не справляющаяся со своими четырьмя детьми и не умеющая их контролировать, и несколько других.

«Твоя обязанность, мой дорогой Эмануэль, приходить на работу 6 раз в неделю к 9 часам утра, брать свои дела и начинать обходы».

Наверное, я выглядел растерянным, потому что Яан положил руку мне на плечо и добродушно сказал: «Не волнуйся. Просто старайся помочь им. Не перетрудишься. Ты научишься справляться с работой».

Моя работа оказалась довольно сложной, но не скучной. Она требовала постоянно быть начеку. Никто не инструктировал меня, как поступать в каждом конкретном случае, и я вынужден был сам принимать решения. Недели через три я почувствовал, что моя работа даже стала мне нравиться. Однажды утром я проснулся без четверти девять. Поняв, что я опаздываю, я быстро оделся и вскочил на велосипед. Я прибыл на работу с 20-минутным опозданием. Я еще не успел дойти до моего стола, чтобы взять дела, как был вызван в кабинет начальника отдела социальной работы, которым был советский русский. Это был худой, невысокий человек сорока с лишним лет, с колючими черными глазами, короткими черными волосами и неприятным выражением лица. «Товарищ Нодель!» - сказал он строго. – «Вы сейчас нарушили советский закон. Вы это понимаете?» «Да», - ответил я серьезно. Я объяснил, что произошло, и извинился.

Он строго посмотрел на меня и сказал: «Вы знаете, что согласно советскому трудовому законодательству я могу дать Вам 3 года тюрьмы за предумышленное нарушение закона».

Я постоял минуту молча, потом сказал почтительно: «Но я не нарушал советский закон умышленно».

«Замолчите и выйдите отсюда». Я вышел из его кабинета угнетенным и испуганным, сел за свой стол и сидел неподвижно. Я почувствовал чью-то руку на своем плече. Это был Яан. Я рассказал ему, что случилось. «Не волнуйся», - сказал он. – «Я поговорю с товарищем Николаевым».

В тот день я не мог сосредоточиться на работе. Я кое-как закруглил свои дела и к четырем часам вернулся на рабочее место, чтобы заполнить бумаги. Около пяти часов появился русский начальник и попросил внимания. Он кивнул мне, чтобы я вышел вперед. Я вышел из-за своего стола. Четким строгим голосом с сильным русским акцентом товарищ Николаев начал читать: «Товарищ Нодель нарушил наш замечательный советский закон о труде. Согласно параграфу 319 он может быть приговорен к трем годам тюрьмы. Но, принимая во внимание, что это первое его нарушение, я накажу его удержанием 25% из его зарплаты на следующие 6 месяцев». Он оторвал взгляд от бумаги и вернулся в свой кабинет.

Я вздохнул с облегчением. Пока я собирался домой, никто из моих сослуживцев не сказал мне ни слова. У двери я увидел Яана. Он улыбался, и мы ушли вместе.

«Знаешь, дорогой Эмануэль», - сказал он. – «Мне легко удалось снизить твое наказание».

«Как?» - спросил я смущенно.

Яан опять улыбнулся. «Я открою тебе маленький секрет. Наш новый советский босс совсем не разбирается в работе, поэтому я все делаю за него». Он подмигнул и, широко улыбаясь, попрощался.

Постепенно работа в отделе становилась все труднее, потому что увеличилось количество новых советских предписаний, и это предполагало увеличение количества заполняемых бумаг и форм. Все меньше времени оставалось на то, что мы должны были делать – помогать людям. Социальные работники стали увольняться.

К концу сентября я с облегчением оставил отдел социальной работы. Семестр в Тартуском университете уже был в разгаре, и я стал искать работу, которая оставляла бы мне достаточно времени для учебы.